Бунтарка

Автор:
Дженнифер Матье

Бунтарка

Дженнифер Матье

С Вивиан Картер хватит! Ее достало, что все в школе их маленького городка считают, что мальчишкам из футбольной команды позволено все. Она больше не хочет мириться с сексистскими шутками и домогательствами в коридорах. Но больше всего ей надоело подчиняться глупым и бессмысленным правилам.

Вдохновившись бунтарской юностью своей мамы, Вивиан создает феминистские брошюры и анонимно распространяет их среди учеников школы. То, что задумывалось просто как способ выпустить пар, неожиданно находит отклик у многих девчонок в школе. Очень скоро Вивиан понимает, что она начала самую настоящую революционную борьбу за права девушек.

Дженнифер Матье

Бунтарка

Посвящается всем девушкам-подросткам, борющимся за правое дело.

И моему школьному учителю обществоведения, который назвал меня феминацисткой перед всеми одноклассниками.

Вы оскорбили меня, но еще вы зажгли во мне интерес к феминизму, так что в действительности шутка обернулась против вас.

Месть подают холодной, придурок.

Глава первая

Мой учитель английского мистер Дэвис проводит рукой по короткому ежику волос. На его лбу проступает пот, и он раздувает красные щеки. Он похож на пьяного дикобраза.

Может, он и правда пьяный. Даже если сейчас утро вторника.

– Давайте обсудим символизм в двенадцатой строке поэмы, – говорит мистер Дэвис, и я беру ручку, чтобы конспектировать лекцию о значении золотого света позади голубых занавесок. Мистер Дэвис говорит, что хочет обсудить символизм, но это неправда. На контрольной мы должны будем написать слово в слово то, что он рассказал нам на занятии.

Я моргаю и пытаюсь не заснуть. Половина класса сидят, уткнувшись в телефоны. Я чувствую, как мозг разжижается и вот-вот вытечет через уши.

– Вивиан, что ты думаешь об этом? – спрашивает меня мистер Дэвис. Конечно же, меня.

– Ну… – Я скрещиваю руки и смотрю на распечатку текста поэмы, лежащую на парте. – Хм… – Мои щеки краснеют. Почему мистеру Дэвису взбрело в голову спросить именно меня? Я, по крайней мере, притворяюсь, что слушаю его.

Кажется, мы оба молчим целую вечность. Я нервно ерзаю на стуле. Мистер Дэвис пристально смотрит на меня. Я прикусываю нижнюю губу. Мистер Дэвис все смотрит. Я ищу в уме ответ, любой ответ, но все в классе смотрят на меня, и я не могу думать. В конце концов мистер Дэвис сдается.

– Люси? – говорит он Люси Эрнандез, которая подняла руку, как только он задал вопрос.

– Ну, – начинает Люси, и можно точно сказать, что она возбуждена, сидит на стуле прямо, словно палку проглотила. – Если принять во внимание отсылку автора в восьмой строке, я думаю, что свет может означать… ммм… как это сказать… изменение в понимании автора…

Чей-то кашель с задних рядов прерывает ее.

– Сделай мне сэндвич[1 - Сделай мне сэндвич – популярная в одно время шутка в интернете, которая основана на стереотипе, что место женщины на кухне.].

За этим следуют хихиканье и смех, словно аплодисменты.

Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять, кто это. Митчелл Уилсон снова ведет себя как идиот, а его дружки-футболисты одобрительно смеются.

Люси делает резкий вдох:

– Что ты только что сказал? – Она поворачивается к нему и удивленно округляет глаза.

Митчелл ухмыляется ей в ответ, сидя за своей партой. Его голубые глаза насмешливо смотрят из-под золотисто-каштановых волос. Честно говоря, он мог бы показаться милым. Если бы никогда не открывал рот.

– Я сказал, – начинает Митчелл, явно наслаждаясь своим остроумием, – сделай… мне… сэндвич.

Его дружки смеются так, словно это самая оригинальная шутка на свете. Хотя ей уже год.

Люси закатывает глаза и поворачивается к доске. Ее лицо пошло красными пятнами.

– Это не смешно, – тихо замечает она. Она перекидывает свои длинные черные волосы через плечи, словно пытается спрятаться от Митчелла. Мистер Дэвис качает головой и хмурится.

– Если мы не можем разумно вести обсуждение, тогда я прекращу урок прямо сейчас, – говорит он нам. – Я хочу, чтобы вы все достали учебники и начали делать упражнения на страницах 25 и 26. Вы должны их сдать завтра.

Клянусь, он выбрал эти страницы наугад. Может быть, мы даже еще не проходили эту тему.

Пока мои одноклассники испускают коллективный стон, а я роюсь в рюкзаке в поисках книги, к Люси немного возвращается ее храбрость и она говорит:

– Мистер Дэвис, это нечестно. Мы ведем разумное обсуждение. Но они, – она кивает через плечо, не смея снова посмотреть на Митчелла, – мешают. Не понимаю, почему вы наказываете нас всех.

Я съеживаюсь. Люси – новенькая в школе Ист Рокпорт Хай. Она и не знает, что ее ждет.

– Люси, я объявил только что всему классу, что нужно начать выполнять упражнения на страницах 25 и 26, или нет? – Мистер Дэвис практически выплевывает эти слова. Кажется, ему больше хочется поставить Люси на место, чем обсуждать золотой свет за голубыми занавесками.

– Да, но… – начинает Люси.

– Замолчите, – прерывает ее мистер Дэвис. – Можете добавить к своему заданию еще страницу 28.

Митчелл и его друзья покатываются со смеху, а Люси сидит на своем месте и пораженно смотрит на мистера Дэвиса. Словно раньше учителя с ней так не разговаривали.

Мгновение спустя Митчеллу и его друзьям надоедает и они успокаиваются. Мы все открываем учебники и начинаем выполнять задание. Я с головой погружаюсь в тему «придаточное предложение», но украдкой поглядываю на Люси. Я слегка морщусь, когда вижу, что она смотрит на все еще закрытый учебник, словно ей дали им пощечину. Видно, что она пытается не расплакаться.

Когда наконец раздается звонок, я хватаю свои вещи и иду к двери как можно быстрее. Люси все еще сидит на стуле, ее голова опущена, и она медленно собирает свои вещи в рюкзак.

Я замечаю Клодию, которая идет по коридору ко мне.

– Привет, – говорю я и надеваю рюкзак.

– Привет, – отвечает она, награждая меня той же ухмылкой, которую я вижу с того самого дня, когда мы стали лучшими подругами в детском саду. Тогда нас объединила любовь к наклейкам и шоколадному мороженому. – Что происходит?

Я украдкой оглядываюсь, чтобы убедиться, что ни Митчелла, ни кого-нибудь из его дружков нет поблизости.

– Мы просто получили много домашки по грамматике. Митчелл доставал эту новую девочку, Люси, и, вместо того чтобы разобраться с ним, мистер Дэвис дал всему классу дополнительное задание.

– Дай угадаю, – говорит Клодия, пока мы идем по коридору, – сделай мне сэндвич?

– О боже, и как ты догадалась? – Я наигранно удивляюсь.

– Случайно, – говорит Клодия, закатывая глаза. Ее голова едва достает до моего плеча, и мне нужно наклоняться, чтобы услышать ее. У меня рост метр семьдесят семь. Боюсь, что подрасту еще немного. А вот Клодия была ростом с кофейный столик еще с шестого класса.

– Такой бред, – бормочу я, когда мы останавливаемся рядом со шкафчиками. – И это даже не оригинально. Сделай мне сэндвич! Слабо ему придумать что-то новенькое, а не заезженную шутку, которая гуляла по всему интернету со времен средней школы.

– Знаю, – соглашается Клодия и ждет, пока я найду пакет с обедом. – Не унывай. Я уверена, когда-нибудь он повзрослеет.

Я бросаю скептический взгляд на Клодию, и она улыбается в ответ. Когда-то Митчелл был простым учеником в средней школе Ист Рокпорт, а его отец – всего-навсего раздражающим учителем истории Техаса. Его любимой забавой было показывать нам неприятные ролики на YouTube с футбольными травмами. Даже такие, где кость прорвала кожу. Митчелл был маленьким надоедливым комаром. Бесит, но о нем легко забыть, если перестать обращать внимание.

Прошло пять лет, и мистер Уилсон сумел забраться по карьерной лестнице школы Ист Рокпорта и стать директором Ист Рокпорт Хай. Митчелл набрал тринадцать килограммов, и весь город узнал, что он может делать идеальный закрученный бросок. Теперь совершенно нормально, что Митчелл Уилсон и его друзья прерывают девочек во время занятий и отправляют их готовить сэндвичи.

Войдя в столовую, мы с Клодией направляемся через ряды столов к другим девочкам, с которыми обедаем каждый день: Кейтлин Прайс, Саре Гомез и Мэг МакКроун. Это милые девушки, и мы знаем друг друга вечность. Они из тех, кто никогда не был где-то за пределами Ист Рокпорта, население которого составляет 6000 человек. Это девушки, которые пытаются не выделяться. Девушки, которые втайне влюблены, но никогда ничего с этим не сделают. Девушки, которые тихо сидят в классе, получают достойные оценки и надеются, что их не попросят объяснять символизм в двенадцатой строке поэмы.

То есть милые девушки.

Мы сидим и обсуждаем занятия, перетираем сплетни. Кусая яблоко, я замечаю Люси Эрнандез за столом с другими одинокими волками, которые регулярно объединяют усилия, чтобы казаться не такими одинокими. Каждый ученик сидит за своим столом: спортсменов, богатеев или неудачников. Стол Люси самый печальный. Она ни с кем не разговаривает, просто тыкает пластиковой вилкой в очень грустную пасту.

Я думаю о том, чтобы пойти и пригласить ее сесть с нами, но потом вспоминаю, что Митчелл и его тупые друзья сидят прямо в центре столовой, веселятся и ищут возможность забросать еще одну из нас женоненавистническими шутками. А Люси Эрнандез будет главной целью, учитывая то, что случилось на уроке.

Поэтому я не приглашаю ее к нам.

Может быть, я и не такая милая.

Глава вторая

Наша старая полосатая кошка Джоан Джетт ждет меня у двери, когда я возвращаюсь из школы. Джоан Джетт любит встречать нас, словно она собака, а не кошка. Цель ее жизни – мяукать, выть и привлекать внимание всеми возможными способами. Мама говорит, ей очень подходит ее имя. Джоан Джетт была участницей девичьей музыкальной группы 1970-х годов The Runaways, пока не создала свою собственную группу. В детстве мы с Клодией снимали на видео, как кошка Джоан Джетт танцует под песни певицы Джоан Джетт.

Я глажу Джоан Джетт, а потом нахожу записку от мамы. Она могла бы просто мне написать эсэмэс, но она любит «осязать бумагу», как она это называет.

Буду на работе допоздна. Бабушка с дедушкой сказали, что ты можешь прийти к ним на ужин, если захочешь. Пожалуйста, аккуратно сложи белье на моей кровати и убери его. Люблю тебя хохохо мама.

Теперь я достаточно взрослая, чтобы оставаться одной, если у моей мамы поздние смены в неотложке, где она работает медсестрой. Когда я была маленькой, а у нее были поздние смены, бабуля забирала меня из школы, и мы все вместе ели замороженный ужин Stouffer’s[2 - Stouffer’s – брэнд Nestle, производящий замороженные полуфабрикаты.], а потом пытались угадать правильные ответы в программе «Колесо Фортуны». Потом меня отправляли спать в комнату, которая раньше принадлежала маме. Бабуля перекрасила ее в нежные розовые и зеленые тона, не осталось и следа старых маминых постеров и наклеек, но я выглядывала из окна комнаты и представляла ее молодой, дикой, мечтающей однажды покинуть Ист Рокпорт и никогда больше не возвращаться. И хотя ей удалось выполнить план только наполовину, ее юные годы восхищали меня.

В такие дни я или засыпала дома, если мама успевала меня забрать, или просыпалась от того, что дедушка включал Today Show[3 - Today Show – американское утреннее ежедневное телешоу на канале NBC.], или меня будили посреди ночи для десятисекундной прогулки домой. Я держала маму за руку, и от нее приятно пахло мятным антисептиком.

Теперь я хожу к бабушке с дедушкой только на ужин, хотя они все еще пытаются пригласить меня на ночевку, как в старые времена.

Звонок. Это бабуля.

– Привет, милая, я разогреваю пироги с курицей, – говорит она мне. – Придешь?

Бабушка с дедушкой завтракают в 5 утра, обедают в 11, а ужинают в 16:45. Раньше я думала, это все из-за возраста, но мама говорит, что так было всегда, пока она не уехала от них в восемнадцать лет. Она чувствовала себя бунтаркой, когда ела после наступления темноты.

– Хорошо, – отвечаю я, – но мне сначала нужно убрать белье.

– Ну приходи, когда освободишься, – говорит бабуля.

Я хватаю кусок сыра из холодильника и отвечаю на сообщения от Клодии. Она жалуется, как ее раздражает младший брат. Джоан Джетт бежит за мной в спальню, где я нахожу гору белья посреди незаправленной маминой кровати. Я начинаю складывать трусы в милые аккуратные квадратики, а влажные лифчики вешаю сохнуть в ванной. Здесь только женское белье. Мой папа умер, когда я была совсем маленькой. Он разбился на своем мотоцикле. Тогда мы жили в Портленде, штат Орегон. Его звали Сэм, и я его даже не помню. По фотографиям я знаю, что внешне он был привлекательным: светлые волосы, зеленые глаза, подтянутая фигура.

Моя мама все еще скучает по нему. Однажды ночью, около года назад, выпив слишком много вина, мама сказала мне, как это странно: она будет стареть, а Сэм останется вечно молодым. Да, так она его называла – Сэм. Не «твой папа», а Сэм. Таким он и был для нее. Ее Сэмом. Потом она ушла в свою комнату и плакала, пока не заснула. Это было так не похоже на мою маму, не терпящую никакой ерунды. Иногда я чувствовала себя виноватой, что совсем не скучаю по

нему и не могу откопать даже крохотное воспоминание. Мне было всего восемь месяцев, когда он умер. После его смерти мы с мамой переехали обратно в Ист Рокпорт, чтобы бабушка с дедушкой присматривали за мной, пока мама получала квалификацию медсестры. И вот, прошло шестнадцать лет, а мы все еще здесь.

Я вешаю легкие платья мамы в шкаф, когда мой взгляд падает на большую, побитую жизнью коробку из-под обуви на верхней полке. Черными буквами на ней написано: «МОЯ ВПУСТУЮ ПОТРАЧЕННАЯ ЮНОСТЬ». Я вешаю последнее платье, вытаскиваю коробку и несу в свою спальню. Я уже заглядывала в нее. Когда у нас с Клодией был период «видео с танцующей кошкой Джоан Джетт», я любила вынимать эту коробку и изучать ее содержимое. Правда, с последнего раза прошло уже несколько лет.

Я открываю ее и аккуратно вытряхиваю на кровать кассеты, старые фотографии, неоновые листовки и десятки маленьких копий буклетов: Girls Germs, Jigsaw, Gunk. Я рассматриваю полароидную фотографию мамы, на которой ей всего на несколько лет больше, чем мне сейчас, девятнадцать или двадцать. Она одета в потертое платье в кукольном стиле и военные ботинки. В темных волосах виднеется платиновый локон. Она показывает язык фотографу, а ее руки обвивают шею другой девушки с темными глазами и пирсингом в брови. На маминой руке написано черным маркером: «БУНТ, А НЕ ДИЕТА».

Мама редко рассказывает о своей жизни до того, как она встретила папу, но всегда широко улыбается, когда вспоминает о том, как выпустилась из школы и поехала в Вашингтон на старой «тойоте», которую купила на собственные деньги. Именно там жили и выступали ее любимые группы Heavens to Betsy и Excuse 17. Эти девчонки играли панк-рок, выступали за равные права и издавали журналы для «новичков пера», которые называли зинами[4 - Zin – сокращение от английского слова magazine – журнал. Так называются самиздатовские журналы с небольшим тиражом, которые часто выпускают представители разных субкультур.].

Они называли себя «Бунтарррки».

Моя мама тогда была дикой: у нее было выбрито полголовы, она носила черные ботинки Doc Martens и красила губы в фиолетовый цвет. По сравнению с другими мамами она легко обсуждает со мной сложные темы: открыто говорит о сексе и не очень переживает, если я ругаюсь матом при ней. Хотя мне все равно сложно

принять то, что девушка на фотографии и есть моя мама, которую я знаю. Мама, которая работает медсестрой и носит форму лавандового цвета с бабочками. Мама, которая раз в месяц садится за кухонный стол и проверяет баланс чековой книжки.

Я удобнее устраиваюсь на кровати и рассматриваю страницу одного из журналов «Бунтарррок». Чудо-женщина[5 - Супергероиня комиксов издательства DC Comics.] предупреждает мужчин не трогать ее, когда она идет по улице, если они не хотят получить кулаком в лицо. Я улыбаюсь. Как же мне хочется, чтобы она присутствовала на всех занятиях, где есть Митчелл Уилсон. Джоан Джетт мяукает, напоминая о своем ужине, и я заставляю себя собрать все обратно в коробку и убрать ее в мамин шкаф. Мне сложно объяснить, но каждый раз, когда я просматриваю мамину коробку, я чувствую себя лучше. Словно меня понимают. Что странно, ведь «Бунтарррккам» уже сто лет, и никто из девушек не знал меня. Но я жалею, что не знала их.

* * *

Бабуля помешана на петухах. Они повсюду: на кухонных полотенцах, тарелках, в виде керамических фигурок на кухонном подоконнике. У нее даже перечница и солонка в виде – угадайте кого? – петухов.

Я беру солонку в руку и вскидываю бровь, глядя на вечно дружелюбную улыбку петуха.

– Петухи действительно улыбаются? – я спрашиваю, посыпая гарнир из консервированных овощей солью.

– Конечно, – говорит бабуля, – они очень дружелюбные.

Дедушка просто ворчит и тыкает вилкой в куриный пирог от Stouffer’s.

– Сколько петухов ты знала лично, Морин? – спрашивает он.

– Парочку, – отвечает бабуля, не раздумывая ни секунды. Дедушка только вздыхает, но я знаю: ему нравится, что последнее слово всегда за бабулей.

Я люблю слушать болтовню бабушки и дедушки, как они нежно дразнят меня, как они общаются друг с другом. Мне нравятся забавные дедушкины поговорки, которые он произносит властным голосом: «Помни, Вивиан, ты можешь выбирать друзей, выбирать козявки из носа, но ты не можешь выбирать козявки из носа друга». Мне нравится, что, хотя бабуля ни разу и не ответила правильно на вопрос «Колеса Фортуны», она продолжает его смотреть каждый вечер и выкрикивать первое, что приходит ей в голову: «Мистер Картофельная голова! Жареные зеленые помидоры! Сметана и луковые картофельные чипсы!».

В общем, с ними очень уютно.

Но, как большинство дедушек и бабушек, они совершенно ничего не знают о том, что значит быть шестнадцатилетней девушкой.

– Было что-нибудь интересное в школе? – спрашивает бабуля, вытирая рот салфеткой. Я гоняю зеленые бобы по тарелке вилкой и думаю о сегодняшнем дне и домашнем задании, которое ждет меня в рюкзаке.

– Ничего увлекательного, – говорю я. – Я получила кучу дополнительной работы по английскому, потому что Митчелл Уилсон и его дружки – придурки.

Дедушка хмурится, а бабуля спрашивает, что я имею в виду. Я рассказываю им о тупом комментарии Митчелла.

– Я не понимаю, что это значит, – говорит бабуля. – Зачем он хочет, чтобы кто-то сделал ему сэндвич?

Я глубоко вздыхаю.

– Он не хотел сэндвич, бабуля, – говорю я. – Это тупая шутка, которую мальчики используют, чтобы сказать, что место девочек на кухне и у них не должно быть собственного мнения.

– Понятно. Не очень-то хорошо со стороны Митчелла, – говорит бабушка, передавая соль дедушке.

Я пожимаю плечами и мечтаю о том, как хорошо было бы сидеть на пенсии, возиться с керамическими петухами и совершенно ничего не знать о том, что происходит в школе Ист Рокпорт.

– То, что он сказал… – Я делаю паузу, вспоминая, как Люси Эрнандез покраснела от смущения, и чувствую, как меня охватывает жар от головы до ног. – Я считаю, это настоящий сексизм.

Как же приятно сказать это вслух.

– Я ожидала лучших манер от сына директора, – говорит бабуля, пропуская мое последнее замечание мимо ушей.

– Можешь представить, как Лиза поступила бы в таком случае? – внезапно спрашивает мой дедушка, поднимая взгляд от пирога.

Я смотрю на дедушку, мне любопытно:

– Что? Что бы сделала мама?

– Даже не хочу об этом думать, – говорит бабуля, выбрасывая вперед руку, словно регулировщик на дороге, приказывающий нам остановиться.

– Твоя мама составила бы целый список дел, – продолжает дедушка, не оставляя на тарелке ни единого кусочка. – Начала бы с петиции. Потом нарисовала бы большой плакат и ходила с ним вокруг школы. Злая до чертиков.

Конечно же, моя мама так поступила бы. Ее подростковый бунт начался задолго до того, как она переехала на северо-запад и присоединилась к «Бунтарррkам». На следующий день после того, как директор объявил, что дресс-код больше не позволяет красить волосы в неестественные цвета, она щеголяла с зелено-синими волосами. Ее отстранили от занятий на неделю, а дедушка и бабушка потратили целое состояние на то, чтобы перекрасить волосы и не повредить их. Я представила, каково это: идти по главному коридору, когда все на тебя смотрят, потому что у тебя волосы цвета голубого мороженого Fla-Vor-Ice. Я съеживаюсь от одной только мысли.

– Проблема состояла в том, что твоя мама всегда искала причину подраться, – говорит бабуля, попивая сладкий чай. – Она была чересчур «мокси»[6 - Moxie (англ.) – название американской фирмы, выпускающей газированный напиток. Благодаря широкой рекламной кампании это слово вошло в английский язык и стало означать «смелый», «храбрый», «дерзкий».] – смелой и дерзкой. Это все усложнило и для нее, и для нас, как бы сильно мы ее ни любили.

– Да, я знаю, – говорю я.

Я уже слышала об этом раньше. Может быть, это действительно усложнило жизнь бабушки и дедушки, но девушка на полароидной фотографии не считала жизнь такой уж сложной. Она была счастлива. Ей нравилось бороться, даже если она не всегда выигрывала.

– Хорошая новость состоит в том, – объявляет бабуля, – что бунтарский ген, судя по всему, был какой-то странной мутацией. – Она улыбается мне и начинает убирать грязную посуду.

– Наша ответственная Вивиан, – говорит дедушка. Он протягивает руку и взъерошивает мои волосы, словно мне десять лет.

Я улыбаюсь в ответ, хотя мне немного обидно. Мне не нравится, когда меня называют ответственной. Хотя это, скорее всего, правда. Поэтому я просто молчу и пытаюсь спрятать свою обиду поглубже.

После ужина я делаю домашнее задание, а потом иду к бабушке и дедушке в гостиную (они называют ее «телевизионная комната») смотреть «Колесо Фортуны». Я смеюсь, когда бабуля выкрикивает свои ответы: «Удача, будь Леди сегодня ночью! Леди и Бродяга! Моя прекрасная Леди!». Потом я с дедушкой пью кофе без кофеина со сливками и сахаром. Но перед глазами то и дело встает обиженное лицо Люси и хихиканье Митчелла и его тупых дружков. Странный жар снова скручивает мой желудок и приносит беспокойство.

После бонусного круга на «Колесе» я говорю, что мне пора домой. Бабушка с дедушкой, как обычно, пытаются уговорить меня остаться подольше и посмотреть с ними «Танцы со звездами». Но я отказываюсь, целую их в щеку и благодарю за все.

– Конечно же, милая, – говорит дедушка, провожая меня до двери и крепко обнимая, а я чувствую вину за свою обиду.

* * *

Вернувшись домой, я смотрю какое-то глупое теле- шоу и роюсь в телефоне, а потом иду спать. Надеваю пижаму – шорты и старую футболку с надписью Runaways, которую мама подарила мне на Рождество. На ней изображена очень юная Джоан Джетт (певица). Пока чищу зубы, слышу, как открывается входная дверь.

– Мама? – спрашиваю я, выглядывая в коридор, ведущий к кухне.

– Привет, леди, – отвечает она, кидая ключи от машины на кухонный столик. Она останавливается посреди нашей маленькой кухни и смотрит на потолок, прежде чем громко вздохнуть.

– О боже, что за ночь, – говорит она, развязывая пучок волос на голове. Густые черные локоны падают на спину, словно занавес после окончания спектакля. Она заглядывает в холодильник, а я дочищаю зубы и тоже иду на кухню.

– А где остатки китайской еды? – спрашивает мама, передвигая контейнеры и консервы Dr. Pepper.

– Я доела на днях, – виновато отвечаю я. Мама бросает на меня хмурый взгляд поверх двери холодильника.

– Черт, – бормочет она. – Ну ладно, мороженое в десять вечера еще никого не убило. По крайней мере, я таких людей не знаю.

Она вытаскивает мятное мороженое из морозильника и идет в маленькую комнату рядом с кухней. Здесь мы проводим большую часть времени. Мама падает на свое обычное место на потертом диване, а потом хлопает по сиденью рядом, приглашая меня присоединиться.

– Все нормально? – спрашиваю я, когда она глотает ложку мороженого и наконец немного расслабляется.

– Ага, просто устала, – говорит мама, хмурясь и съедая еще одну порцию. – Не было ни одной свободной минуты.

– Что-то сложное или страшное? – спрашиваю я.

Я смотрю, как она ест мороженое и отклоняет голову назад, на секунду прикрывая глаза от усталости. Моя мама очень красивая. Темные волосы контрастируют с ее светлой кожей, она двигается очень грациозно, несмотря на свой высокий рост. Бабуля говорит, что мы похожи. Хочется надеяться, что это правда, хотя в глубине души я уверена, что это не так.

– Нет, к счастью, ничего запредельного. Просто инфекция мочевых путей и ушей всю ночь напролет. – Иногда мама рассказывает мне смешные истории, например о том, как ребенок затолкнул горсть витаминов себе в нос.

Мы сидим некоторое время в тишине, а потом я глажу ее длинные бледные руки. Она смотрит на меня и улыбается:

– Как школа?

– Как обычно.

– Такой детальный отчет.

– Действительно нечего рассказывать, – настаиваю я.

Конечно, это неправда. В любой другой вечер я бы рассказала о тупом замечании Митчелла Уилсона, и как мне было жаль Люси, и как бесит мистер Дэвис, который наказал нас всех, вместо того чтобы разобраться с проблемой. Я бы даже могла признаться, что слова бабушки с дедушкой о том, что я ответственная, обидели меня. Но я вижу, как мама морщит лоб и пытается держать глаза открытыми. Вижу, как сильно она измотана.

– Ну, уже поздно, – говорит она мне, – а тебе нужно идти спать. Поцелуешь меня на ночь?

Я наклоняюсь, чтобы обнять ее и поцеловать в щеку.

Когда я направляюсь в спальню, слышу, как мама включает телевизор. Закрыв дверь, я проскальзываю под одеяло и выключаю прикроватную лампу. Светящиеся в темноте звезды, которые я прилепила к потолку, радостно вспыхивают. Я надеваю наушники и думаю о коробке из-под обуви с надписью «МОЯ ВПУСТУЮ ПОТРАЧЕННАЯ ЮНОСТЬ». Я ищу в телефоне музыку в стиле «Бунтарррок» и включаю песню «Rebel girl»[7 - Бунтарка (англ.).] группы Bikini Kill.

Она начинается с громкого ритма барабанов, такого сильного, что кажется, если слушать ее на большой громкости, я слечу с кровати. Но лучшая часть – когда начинает петь солистка, ее голос звучит словно ракета.

Эта девочка думает, что она королева района.

У нее самый классный трицикл в городе.

Она держит голову высоко.

Я думаю, что хочу быть ее лучшей подругой, да.

Бунтарка, бунтарка,

Бунтарка – ты королева моего мира.

Музыка гремит, рычит и плюется. Мне трудно представить, что моя уставшая мама, поедающая мороженое на диване перед телевизором, – это та же девушка из коробки «МОЯ ВПУСТУЮ ПОТРАЧЕННАЯ ЮНОСТЬ». Девушка с платиновым локоном в темных волосах, которая показывает язык и не боится дать отпор.

Было время, когда она слушала эту музыку. Когда злилась, бунтовала и не покорялась. Было время, когда она жила ярко. И никто не может это у нее забрать.

Песня заканчивается, я лежу какое-то время в тишине, а потом жму на повтор и жду, когда барабаны начнут свою атаку.

Глава третья

Неделя продолжается в обычном ритме. В среду я иду в школу, а мистер Дэвис даже не проверяет свое тупое домашнее задание. Люси Эрнандез ни разу не поднимает руку за весь урок. Я иду домой и делаю домашнее задание, пишу Клодии, слушаю музыку и ложусь спать. Четверг – все та же рутина. И так каждый год, начиная со средней школы. Каждую осень я думаю, что в этом году что-то будет по-другому, что-то встряхнет карусель моей серой жизни. Но я так привыкла к единообразию каждого года в Ист Рокпорт, что даже не знаю, чего нового я хочу. К концу сентября становится понятно, что новый школьный год растянулся передо мной как еще один длинный отрезок шоссе.

Эта пятница особенная. Именно сегодня решится судьба футбольной команды Ист Рокпорт Хай.

Ист Рокпорт – маленький город, совсем не похож на большие города, но наша футбольная команда достаточно хороша. Когда я была в пятом классе, мы дошли до чемпионата штата, но проиграли. Жители Ист Рокпорта обсуждают тот день чаще, чем тот факт, что один из астронавтов, полетевших в космос, родился в нашем городке.

В такие пятницы занятия служат законным поводом прийти в школу, чтобы насладиться шкафчиками футболистов, украшенными оранжевыми и белыми кораблями из гофрированной бумаги, присутствовать на обязательном собрании болельщиков перед обедом и наблюдать, как Митчелл Уилсон и его команда идут по коридору, словно второе пришествие Тома Лэндри[8 - Том Лэндри – американский футболист и тренер; по праву считается одним из величайших тренеров за всю историю Национальной футбольной лиги. Является автором целой серии активно использующихся и по сей день техник и методик.] и Эрла Кэмпбелла[9 - Эрл Кэмпбелл – профессиональный американский футболист, обладатель множества наград. Его имя представлено в Зале славы Национальной футбольной лиги.]. А тот факт, что я даже знаю, кто такие Том Лендри и Эрл Кэмпбелл, доказывает, что я действительно родилась и выросла в этом штате.

– Едем сегодня вечером вместе? – спрашивает Клодия, когда мы заходим на трибуну для собрания болельщиков. – Мама говорит, можем взять ее машину. Она останется дома с Дэнни, потому что он не очень хорошо себя чувствует.

– Да, хорошо, – говорю я, плюхаясь на сиденье в верхнем ряду. Внизу разогревается музыкальная группа. Звучит будто стадо слонов, оплакивающих потерю своего вожака. В углу зала чирлидеры, одетые в форму оранжевого цвета мороженого Creamsicle, заканчивают разминку.

Мы с Клодией не большие фанаты футбола, но ходим на все игры, даже те, которые проходят в других городах. Например, сегодня матч будет в Рефуджио. В общем-то, это все, чем можно заняться в Ист Рокпорте. Ходить на игры. Даже бабушка с дедушкой не пропускают ни одной. Дедушке нравится писать белым кремом для обуви на заднем стекле машины «Вперед, "Пираты"!», хотя бабуля все время волнуется, что это помешает ему нормально вести машину.

Мы с Клодией во время игр всегда сидим на местах для учеников, но обычно с самого края, как и на собраниях болельщиков. Едим суперсоленый попкорн из «Бустер Бут» и вяло хлопаем жирными руками, пока Эмма Джонсон и другие чирлидеры задают ритм болельщикам, а их голоса взлетают и опускаются, как детские качели. «ВПЕ-ред ПИ-ра-ты» – хлоп, хлоп, хлопхлопхлоп – «ВПЕ-ред ПИ-ра-ты» – хлоп, хлоп, хлопхлопхлоп.

– Давайте уже начнем, – бормочет Клодия. Она оглядывает зал, чтобы убедиться, что никто из учителей, патрулирующих периметр спортивного зала, не смотрит на нас, а потом достает телефон.

Тогда-то я и бросаю взгляд через плечо и вижу его. На два ряда позади нас.

Новый мальчик.

По моему опыту, это всегда чей-нибудь двоюродный брат, который только что переехал из какого-нибудь Порт Аранзаса, полный деревенщина с невероятным талантом ковыряться в носу на занятии, когда он думает, что никто не смотрит.

Но не в этот раз. Потому что в новом мальчике нет ничего, что напоминало бы Ист Рокпорт. Во-первых, на нем обтягивающие черные джинсы и серая футболка, а его длинные черные волосы падают на глаза. Он немного поворачивает голову, и я вижу, что сзади его волосы коротко подстрижены, почти выбриты. Мальчики в Ист Рокпорт не носят такие прически. Мальчикам в Ист Рокпорте мамы и подружки подстригают волосы, пока они сидят на стульях посреди кухни.

Мальчики Ист Рокпорта ходят в парикмахерскую Рэнди на главной улице и листают Playboy 2002 года, ожидая, когда Рэнди выставит им счет в 15 долларов за ту же ужасную прическу, которая у них была еще до школы. После которой у них уши торчат в стороны еще пару недель.

Новенькому нельзя ходить к Рэнди. Вообще нельзя.

У него оливковая кожа, полные губы и темные глаза. В его взгляде читается интерес и замешательство, словно собрание болельщиков – часть какого-то документального фильма о странных племенах Амазонки, у которых никогда не было связи с современной цивилизацией.

Я толкаю Клодию.

– Осторожно глянь назад. Кто тот парень? Он новенький?

Клодия оборачивается и смотрит, а потом с отвращением выдыхает, словно новый мальчик – пятно на любимой кофте. Несправедливо, учитывая, насколько новенький не похож на пятно.

– Этот? Да, я знаю, кто он.

У меня отвисает челюсть, а Клодия ухмыляется, наслаждаясь моментом.

– О, да ладно, не томи, – говорю я. Конечно же, в такой маленькой школе, как Ист Рокпорт, я и так очень скоро узнаю имя новенького, но все равно было бы неплохо сделать это как можно быстрее, чтобы я могла начать мечтать о том, как он станет моим парнем. У меня больше опыта в мечтах о парнях, чем в самих парнях.

Клодия медленно накручивает на палец прядь волос, выдерживая паузу.

– Его зовут Сет Акоста, и он в одиннадцатом классе, – говорит она. – Его родители – странные художники из Остина, они снимают дом у моих родителей. Дом и отремонтированный гараж, который они используют как галерею. Около бухты.

– Около особняка? – спрашиваю я.

Особняк Оукхерст изначально принадлежал полковнику Оукхерсту, который служил в Республиканской армии Техаса. Раз в год в начальной школе мы отправлялись на экскурсию в заплесневелый дом, построенный в конце 1880-х, в котором еще не было туалетов.

– Ага, около особняка, – говорит Клодия. – А что? Собираешься поздороваться хоть раз с настоящим парнем?

Я бросаю на нее сердитый взгляд и чувствую, что мои щеки краснеют. Мне так некомфортно рядом с парнями, что я не разговариваю с ними, если только в этом нет сильной необходимости, например, когда учитель разделяет нас на группы для каких-то глупых проектов. И Клодия знает об этом.

– Не понимаю, почему двое художников из Остина переехали в Ист Рокпорт, – говорю я, меняя тему. Мне приходится кричать, потому что группа поддержки начинает исполнять первую композицию «Да здравствует Ист Рокпорт». Некоторые из учеников отбивают ритм, топая по полу.

– Возможно, с Марфа[10 - Марфа – город на западе штата Техас. Известен как один из центров современного искусства.] покончено, – кричит мне в ответ Клодия, – может, они такие крутые, что им это надоело. Скажи честно, ты знаешь менее крутой город, чем Ист Рокпорт?

Я пожимаю плечами, соглашаясь с ней. На выходных здесь особо нечего делать, разве что отправиться в «Соник» или «Молочную королеву» или попытаться найти какую-нибудь глупую вечеринку. Единственный музей поблизости – Музей мореходства и морепродуктов на побережье залива, а лучшая причина пойти туда – жареные креветки на палочках, которых они продают в кафе.

– Ну, ты с ним поговоришь? – спрашивает Клодия, не сдаваясь. – Он напоминает мне Джонни Кейда в «Изгоях»[11 - «Изгои» – американский фильм Фрэнсиса Форда Копполы, вышедший в 1983 году, рассказывает о бандах подростков в маленьком городке. Экранизация одноименного романа автора С. Э. Хинтон.]. Помнишь, ты читала эту книгу в средней школе и заставила меня посмотреть фильм, кажется, раз десять?

Клодия права. В Сете есть что-то бунтарское. Но не слишком. Опасный, но в то же время располагающий к себе. Я бросаю взгляд в его направлении, пока Клодия не начинает громко изображать звуки поцелуев рядом с моим ухом.

– Ладно, Клодия, хватит, – протестую я, легонько пихая ее локтем.

Мне неприятно об этом думать, но я еще никогда ни с кем не встречалась. И даже не целовалась с мальчиком. Я хочу, чтобы у меня был парень, потому что чувствую себя неудачницей из-за того, что у меня его нет. Однако я уже почти смирилась с тем, что вряд ли это произойдет в школе.

Пока чирлидеры строят пирамиду, а музыкальная группа играет что-то задорное, я снова смотрю на Сета. На его лице написано безразличие и скука. Он проводит рукой по волосам, и челка падает на глаза.

Мне интересно, какое у него второе имя.

Мне интересно, как он пахнет.

Мне интересно, какую музыку он слушает, и мне интересно, как он выглядит, когда чистит зубы.

– Давайте послушаем о «Пиратах Ист Рокпорта»! – звучит голос из центра зала. Директор Уилсон стоит перед микрофоном, его живот свисает над ремнем, а лицо уже покраснело. Оно краснеет все больше, пока он орет о лучшей в мире футбольной команде и о том, как мы все должны поддерживать могучих «Пиратов».

– Мне скучно, – уныло объявляет Клодия. Она смотрит поверх голов девушек, сидящих перед нами, а потом зевает.

Директор Уилсон представляет тренера Коула, а потом тренер Коул представляет футболистов. Митчелл Уилсон и остальные парни выходят вперед в джинсах и спортивных куртках поверх футболок. Эмма Джонсон и остальные чирлидеры делают обратное сальто, группа поддержки играет свою музыку, а Клодия снова зевает.

Иногда я задумываюсь о том, каково было бы жить в городе, жизнь которого не вращается вокруг семнадцатилетних парней, привлекающих девушек только тем, что они знают, как кидать мяч.

– Друзья, я хочу всем напомнить, как важно прийти и поддержать наших «Пиратов» сегодня вечером! Нам очень важно, чтобы вы поддерживали нас как можно громче! – орет тренер Коул. Толпа орет в ответ, словно они на церковной службе одного из тех проповедников, которых показывают по телевизору. Потом Джейсон Гарза, капитан команды, снимает спортивную куртку и начинает размахивать ею над головой, словно лассо, а потом бросает ее в толпу визжащих девушек, которые кидаются за ней, словно это букет на свадьбе.

– Вот блин, посмотри, что на нем, – бормочет Клодия. – Очередная грубая надпись.

На Джейсоне белая футболка с надписью: «красивые ножки – когда они открываются?».

– Грубо, – бормочу я.

Джейсон стоит в этой футболке перед тренером Коулом и директором Уилсоном, но это не имеет значения. Ему ничего не будет. Ему никогда ничего не бывает из-за таких футболок, и он не единственный парень в школе, которому нравится их носить. Мальчики есть мальчики. Остальные футболисты, включая Митчелла, смеются. Я вижу выражения лиц ребят на передних рядах, и они тоже смеются. Джейсон пытается изобразить сексуальный танец перед девушками в первых рядах, двигая бедрами, словно пытается крутить невидимый обруч. Пучок темных волос на его голове делает его похожим на петуха. Девушки смеются и прикрывают лица руками, и я не знаю, им противно или действительно нравится.

Потом я замечаю одну из девушек – Люси Эрнандез. Даже со своего места я вижу, что она даже не улыбается и не пытается делать вид, что ей неприятно. Ей действительно неприятно. Это не первое собрание болельщиков в этом году, и бедная Люси должна бы уже была понять, что нельзя сидеть в первых рядах, если ты не настоящий фанат «Пиратов». Лучше спрятаться на задних рядах. Так делают люди, которые ходят в церковь только на Рождество.

Джейсон, видимо, заметил отвращение Люси, потому что он старательно вращает бедрами прямо перед ее лицом, а она просто отворачивается и смотрит в пол. Я вижу, как покраснели ее щеки. Все остальные улюлюкают.

Дрожь пробегает по моему телу, и я замечаю, что мои руки сжаты в кулаки. Я удивленно смотрю на них, а потом заставляю себя расслабиться.

– Хорошо, хорошо, – директор Уилсон объявляет по микрофону, – теперь давайте все вместе пойдем на обед. Сохрани энергию для игры, Джейсон.

Музыканты доигрывают последние ноты, и мы устремляемся из зала. Я оглядываюсь назад, но Сета поглотила толпа. Я надеюсь, что Сет Акоста не из тех парней, которые носят футболки с надписью «красивые ножки – когда они открываются?». Он выглядит так же круто, как ральф маччио в «Изгоях», но я все равно не хотела бы встречаться с парнем, который носит такую футболку. Даже у моих воображаемых парней должны быть правила поведения.

По пути в столовую нас в Клодией пихают и толкают, и я внезапно оказываюсь рядом с Люси. Она идет вдоль стены и постоянно врезается в шкафчики плечом, совершенно не смотря по сторонам. Я хочу предложить ей поесть вместе с нами в столовой, но мысль о том, чтобы изменить мою социальную рутину и поговорить с кем-то новым, почему-то пугает меня.

После того как она высказалась на занятии мистера Дэвиса, я знаю, что Люси – не та девочка, которая боится быть центром внимания, даже если это не делает ее популярной. Я тоже не хочу быть популярной, потому что популярные люди в Ист Рокпорт Хай – те еще придурки, но мне нравится оставаться незаметной. Хотела бы я, чтобы мне было все равно, что люди думают обо мне. Как и моей маме. Она никогда не пряталась, пока была здесь. Вот почему она стала «Бунтарррккой».

Добравшись до столовой и сев за наш столик, я ищу глазами Люси, но нигде ее не вижу. Как и Сета Акосту. Зато вижу Джейсона в его тупой футболке, гордо вышагивающего перед первогодками.

Красивые ножки —

когда они открываются?

Интересно, что бы сейчас сделала Чудо-женщина? Или моя мама. Или солистка Bikini Kill. Они бы не побоялись привлечь к себе лишнее внимание. Что бы они сделали с Джейсоном? Может, подошли бы прямо к нему и сказали, какая отвратительная у него футболка? Может, взяли бы ножницы и разрезали ее на мелкие кусочки?

Хотя последнее ему бы понравилось. Смог бы показать свои кубики на животе.

Я откусываю кусочек сэндвича с ветчиной и слушаю, как девочки обсуждают, где нам лучше сесть сегодня вечером. Я откладываю сэндвич в сторону – есть совершенно не хочется.

– Так во сколько мне тебя забрать? – спрашивает Клодия, пиная меня под столом.

– Я не поеду. – Услышав собственные слова, я удивляюсь не меньше Клодии. И, как ни странно, чувствую облегчение.

– Что? – Клодия хмурится. – Мы только что говорили, что моя мама разрешила взять ее машину.

– Мне не очень хорошо. – Я выбираю самую легкую отговорку.

Кейтлин протягивает руку и касается моего лба. У нее около пяти младших братьев и сестер, поэтому она постоянно ведет себя как мама.

– Думаю, у тебя нет температуры, – говорит она мне. – У тебя что-то болит? Знобит?

– Что-то с желудком. – Я отталкиваю обед в сторону.

– Ух, держись подальше, – говорит Мэг, отодвигая стул к другому концу стола. – Не хочу заболеть.

Клодия внимательно на меня смотрит. Всего несколько минут назад со мной все было хорошо, я заглядывалась на новенького.

– Не знаю, что это такое, – признаюсь я. Это правда. Что-то изменилось, когда я сказала, что не пойду на игру.

Или это произошло во время собрания, когда я увидела футболку Джейсона?

Или еще раньше?

– Может, тебе надо пойти в медпункт, – говорит Кейтлин. – Хочешь, кто-нибудь из нас проводит тебя?

– Нет, я сама дойду, – отвечаю я. – Но спасибо.

– Напишешь мне потом? – просит Клодия. В ее тихом голосе слышится обида. А может, она просто не знает, как реагировать на мое странное поведение.

Медсестра Гарсиа разрешает мне отдохнуть на одной из кроватей в медпункте. Тут мило, прохладно и тихо. Звонок на шестой урок затих, а я лежу и смотрю на постер «кашель или насморк? Закрывайтесь локтем, пожалуйста!». Маленькие фигурки девочки и мальчика кашляют и чихают в локоть. Я наслаждаюсь тишиной в своем маленьком больничном коконе, пока все остальные сидят на уроке. Пока наконец не звенит звонок с последнего урока.

– Тебе лучше? – спрашивает медсестра Гарсиа, когда я вхожу в кабинет, моргая от яркого света.

– Ага, – отвечаю я. – Спасибо, что разрешили мне отдохнуть.

– Ты не та, кто будет притворяться, Вивиан, – говорит она, – и ты не очень хорошо выглядишь, если честно. Просто иди домой и ешь пока только тосты, бананы и рис, хорошо? Отдохни и пей много воды. Мне жаль, что тебе придется пропустить игру.

– Переживу, – отвечаю я.

Обычно после уроков мы с Клодией встречаемся у моего шкафчика и идем домой вместе. Но сегодня я просто хватаю свой рюкзак и выхожу через боковую дверь. Я пытаюсь как можно быстрее уйти из Ист Рокпорт Хай.

Глава четвертая

Бабушка с дедушкой собираются на игру, а мама снова на работе допоздна. Я звоню всем по очереди и говорю, что мне нехорошо и я останусь дома. Мама дает мне те же советы, что и медсестра Гарсиа, а потом просит позвонить ей, если мне станет хуже.

Но я не чувствую себя хуже.

Наоборот. Я чувствую свободу и легкость от того, что почти весь город едет в Рефуджио, а я остаюсь в своем доме совсем одна.

Интересно, поедет ли Сет на игру? Может, его возьмут с собой родители? Как часть исследования для какого-нибудь перформанса «Жизнь в маленьком техасском городке». Может быть, он уже умоляет их вернуться в Остин. Возможно, он никогда и не существовал, и это просто плод моего воображения.

Когда наступают сумерки, я разогреваю пиццу с пепперони и несу ее в спальню на бумажной салфетке. Мне нравится есть в кровати. Это выглядит таким неправильным и оттого жутко привлекательным. Я аккуратно снимаю и съедаю все кусочки пепперони и, прежде чем приняться за сыр, включаю документальный фильм о солистке группы Bikini Kill. Когда мы смотрели его первый раз с мамой, я поглядывала на нее во время титров. В полутьме на ее лицо падал свет от экрана телевизора, и я видела, как она смаргивала слезы и улыбалась. Сложно было понять, грустит она или радуется. Интересно, сколько тебе должно быть лет, чтобы испытать ностальгию? Можно ли чувствовать ностальгию по тому, что ты сам никогда не переживал? Мне кажется, именно это я ощущаю, когда думаю о «Бунтарррках».

Я доедаю пиццу, вытираю жир с пальцев и губ и похлопываю по кровати, чтобы Джоан Джетт запрыгнула ко мне и пристроилась рядышком, пока я смотрю фильм. Кэтлин Ханна – так зовут солистку – говорит и об идее культуры спальни девушки. У каждой девушки есть тайный мир в ее спальне, где она может воображать и творить. Было бы здорово, если бы девушки могли делиться этим тайным миром с другими девушками. Это и пытались сделать «Бунтарррки». Они

пытались помочь девушкам с одинаковыми взглядами, ценностями и интересами найти друг друга. Поскольку тогда интернета не было, они делали это с помощью зинов, музыкальных групп и песен, шоу и кассет, которые продавали за пять долларов.

Сидя в полутьме спальни и глядя на Кэтлин и других «Бунтарррок», я думаю о маминой коробке, о Чудо-женщине, о старых полароидных фотографиях девушек с черной помадой на губах, которые готовы покорить мир. О неоновых зеленых листовках, которые рекламировали конвент «Бунтарррок» в Вашингтоне, о сборе средств для жертв насилия.

Дерзко. Красивое слово из словаря, которое дало бы мне несколько лишних баллов в одном из глупых тестов мистера Дэвиса.

«Бунтаррркам» было неважно, что думали другие люди. Они хотели, чтобы их увидели и услышали.

Потому что они были дерзкими и смелыми.

Я сворачиваюсь калачиком на кровати, а идея, зародившаяся у меня в голове, начинает обретать форму.

До моего третьего класса мама курила. Она пыталась это скрывать, когда я была совсем маленькой, но потом я узнала, и она извинялась каждый раз, когда выходила на заднее крыльцо покурить.

– Ох, Вивви, прости, – говорила она, вздыхая. – Я правда пытаюсь бросить, но это так сложно.

Тогда я придумала одну штуку.

Я вырезала дюжину бумажек размером с ладонь и написала на них: «курение убивает», «курение вызывает рак», «я не хочу потерять моего единственного родителя». Я морщусь, вспоминая последнюю надпись, но тогда я была честной девочкой и била в самое слабое место. Я украсила надписи черепушками, перекрещенными костями и фигуркой из палочек, изображавшей меня, плачущую рядом с надгробием, на котором написано: «покойся с миром, мама».

Потом я спрятала эти таблички по всему дому. За дезодорантом в маминой аптечке. В ящике с бельем. Запихнула в коробку с яйцами. Даже спрятала одну в ее пачку сигарет Camel lights.

Мама нашла первую записку (спрятанную в упаковке хлопьев Special K) и помахала ею перед моим носом за завтраком:

– Вивиан, это ты сделала? – спросила она, подняв бровь.

– Я не знаю-ю-ю-ю-ю, – ответила я, так же приподнимая бровь. – Может, это какой-то неизвестный борец против курения?

Мне нравилось играть в тайного мстителя. Даже если в душе я знала, что не такой уж он и тайный.

Мама закатила глаза. А потом случилось кое-что странное. После того как она нашла все таблички, мама прекратила курить. Навсегда.

Миссия выполнена.

Фильм кончился, и я иду к маминому столу в гостиной. Тело гудит от возбуждения. Я скрещиваю пальцы, надеясь, что наш сломанный принтер, который печатает через раз, сегодня будет работать.

Я беру старые мамины журналы и делаю пометки. На самом деле я краду идеи. Не думаю, что девушки, создавшие Girl Germs, Bikini Kill и Sneer, были бы против. В действительности, они, наверное, порадовались бы.

Я читаю так называемый Манифест «Бунтарррок». Это один из зинов Bikini Kill, и мне интересно, сама ли Кэтлин Ханна его написала.

Мы не хотим подстраиваться под чьи-то (мужчин) стандарты о том, что правильно, а что – нет.

Мы злимся на общество, которое говорит нам, что Девушка = Глупая, Девушка = Плохая, Девушка = Слабая.

Мы всем сердцем верим, что девушки – это революционная сила, которая может изменить мир.

Я вспоминаю обиженное выражение лица Люси Эрнандез, когда Митчелл Уилсон сказал ей приготовить ему сэндвич. Я думаю об отвратительной футболке Джейсона Гарза и его покачивающихся тупых бедрах. Моя жизнь в Ист Рокпорте проносится чередой собраний болельщиков и ванильных пустых разговоров в столовой с девочками, которых я знаю с детского сада. Я думаю о том, что будет после школы: пойду в колледж, найду неплохого парня и неплохую работу и буду проводить пятницы на футбольных играх Ист Рокпорт Хай, пока мне не исполнится восемьдесят лет.

Я делаю вдох и снимаю колпачок с гелевой ручки. Для начала мне нужно правильное название. Мои глаза скользят по потрепанным обложкам журналов. Я беру один под названием «Рык», подношу его близко к лицу, закрываю глаза и делаю глубокий вдох, представляя, что могу ощутить заплесневелый запах подвалов и складов, где «Бунтарррки» устраивали выступления за три доллара. Представляю, что я слышу слова песни, которые они так тщательно вписали на страницы зинов.

Я не буду твоей куколкой,

Я не буду твоей королевой красоты.

Девчонка, давай потанцуем босиком,

Давай будем держаться за руки всю ночь!

Давай, испытай нас, парень!

Мы любим давать отпор!

Эти последние строки – мои самые любимые.

Я вижу перед собой «Бунтарррок» – и мою маму среди них – идущих по ночным улицам в ботинках Doc Martens, с хулиганской прической и темной помадой. Они готовы постоять за то, во что верили. То, что считали правильным.

Грозные. Неприкасаемые. Неудержимые. А если вспомнить слова бабушки – абсолютные мокси.

Внезапно у меня появляется идея.

Сосредоточившись, уверенной рукой я вырисовываю буквы. Я дописываю название и добавляю идеальный слоган. Закончив, я разминаю затекшую шею – я долго просидела, согнувшись над своим творением. С восхищением я смотрю на свою работу и чувствую, как адреналин бежит по венам. Я улыбаюсь.

Такой возбужденной я уже не чувствовала себя долгие годы.

* * *

До возвращения мамы остается час, я беру законченные странички, аккуратно прячу их в папку по математике, а ее отправляю в рюкзак. Прежде чем храбрость покинет меня, я вытаскиваю велосипед из гаража и отправляюсь в центр города Ист Рокпорт.

Город почти вымер, на «Молочной королеве» и «Сонике» виднеются таблички: «Закрыто на время матча». Желтый свет уличных фонарей освещает пустые улицы и парковки. «Копирка» находится с краю делового центра. Это одно из немногих мест в Ист Рокпорте, которое всегда открыто до полуночи. Я проезжаю мимо аптеки «Волгринс» и парикмахерской, где бабушке и дедушке когда-то пришлось сильно потратиться, чтобы перекрасить маме волосы.

Вокруг так тихо, что я кажусь последним выжившим жителем города привидений. Липкий осенний воздух пахнет машинным маслом и бензоколонками. Если я сделаю глубокий вдох, то не уловлю ни намека на солоноватый запах воды морского залива всего лишь в нескольких кварталах отсюда. В Ист Рокпорте легко забыть, что ты живешь рядом с океаном. Не то чтобы Мексиканский залив считался океаном. Прошлым летом в нем плавало столько фекальных масс, что пляжи закрыли на две недели. Прямо настоящий Ист Говнопорт.

Я аккуратно паркую велосипед и иду в «Копирку». Глазам требуется мгновение, чтобы привыкнуть к яркому флуоресцентному свету после ночной темноты.

Внутри никого нет, только парень в форменном красном жилете. Он сидит за прилавком на стуле и так занят чтением романа в потертой мягкой обложке, что даже не поднимает глаз, когда я захожу. Аккуратно вынув папку из рюкзака, я подхожу к стойке. На бейджике парня написано «Фрэнк».

– Эм, привет? – говорю я, и Фрэнк поднимает взгляд, моргает пару раз, словно пытается осознать, что я здесь. У него щетина на подбородке и копна немытых волос с проседью. Ему может быть как тридцать лет, так и шестьдесят. Прежде чем заговорить со мной, он аккуратно поправляет очки без дужек и моргает три или четыре раза.

– Чем могу помочь? – наконец спрашивает он, откладывая в сторону «Кэрри» Стивена Кинга.

– Хм, я думала…. Не могли бы вы сделать копии? – Ненавижу разговаривать с продавцами. Все время боюсь, что скажу что-то глупое.

– Ну, это же копировальный центр, так что я могу помочь тебе это сделать, – сухо говорит Фрэнк. На его лице появляется намек на улыбку, так что я не очень беспокоюсь.

Фрэнк достает маленькое счетное устройство и вставляет его в копировальную машину. Он показывает, как им пользоваться.

Мои щеки горят, но я достаю страницы из моей сумки и пытаюсь запрограммировать машину так, чтобы она печатала с двух сторон, как Фрэнк показал мне.

– Женщина-боксер? – спрашивает он, кивая на обложку.

– Да, – говорю я.

– Круто, – говорит Фрэнк, не обращая внимания на то, как я взволнована. Он сам складывает лист пополам, и получается буклет. Он все еще теплый, словно только что из тостера.

Я не знаю, чего хочу больше: закончить начатое или бросить то, что я задумала.

– Выглядит здорово, – выдавливаю я из себя.

– Тогда оставлю тебя, – говорит Фрэнк и возвращается к прилавку.

Я прикидываю в уме, сколько женских туалетов в Ист Рокпорт Хай, и делаю необходимое количество копий. Пока машина работает, я в сотый раз проверяю телефон. Мне нужно вернуться домой до прихода мамы, или она никогда не поверит в то, что мне действительно было нехорошо. Возможно, мама поймет, зачем я это делаю, но дело в том, что я сама едва могу это объяснить.

Я вытаскиваю счетное устройство и иду обратно к стойке, чтобы заплатить. Это деньги с прошлого дня рождения. Фрэнк снова слегка улыбается мне. Как только я выхожу за дверь, он кричит мне вслед:

– Увидимся, Мокси!

Я не сразу понимаю, что он обращается ко мне, и когда поворачиваюсь, чтобы помахать в ответ, Фрэнк снова поглощен книгой.

* * *

Я возвращаюсь домой вовремя и прячу пачку буклетов в рюкзак – сложу их на выходных. Конечно, если смелость не оставит меня. Надо будет послушать песню «Rebel Girl» несколько раз.

Я натягиваю свою футболку Runaways и чищу зубы, а когда выключаю свет и ложусь в кровать, к дому подъезжает мама. Открывается дверь, на мое лицо падает луч света, и я зажмуриваюсь, словно я спала и только что проснулась.

– Вив? – шепчет мама. – Тебе лучше?

– Да. – Надеюсь, на кухне не пахнет пиццей. У меня же якобы проблемы с животом.

– Скажи мне, если тебе что-то нужно, хорошо?

– Хорошо, – шепчу я.

Мама закрывает дверь, я глубже зарываюсь под одеяло и чувствую, как мое тело гудит от предвкушения. Никто во всем мире не знает о том, что в моем рюкзаке лежат распечатки. Ну, кроме Фрэнка из «Копирки». Но даже он не знает о моем плане.

Через пару минут я засыпаю, и мне снится, как я иду с Фрэнком по копировальному центру. Мы одеты в одинаковые футболки Runaways и оставляем распечатки моего творения на каждой копировальной машине.

Глава пятая

Рано-рано утром школа словно населена привидениями. Внешне она не то чтобы сильно изменилась, но без толпы подростков она кажется жутким местом на окраине какой-то параллельной вселенной. Будто здесь полно духов подростковых мечтаний, погибших трагической смертью после контрольных тестов и выпускных. Я стряхиваю это странное ощущение и просто надеюсь на то, что никто не прячется внутри, собираясь схватить меня.

Я выбираю коридор с языковыми классами отправной точкой. Я знаю, что завхоз мистер Кэзас приходит сюда безумно рано, чтобы открыть двери, включить свет и кондиционеры – они обожают ломаться в самый жаркий или самый холодный

день. Технически я не нарушаю правила, приходя сюда в 6.30 утра. Если я хочу, чтобы мой план сработал, никто не должен меня видеть.

Мое сердце бешено стучит, когда я проскальзываю в туалет для девочек. Вытаскиваю из рюкзака буклеты Мокси и замираю. Если я это сделаю, то уже не смогу ничего повернуть вспять. Ведь звонок прозвучит уже через тридцать минут.

Тишину нарушает только звук капающего крана.

Ты. Не. Можешь. Ты. Не. Можешь. Ты. Не. Можешь.

Я девушка, которая готовится к контрольным. Девушка, которая сдает домашнюю работу вовремя. Девушка, которая говорит дедушке и бабушке, что придет через пять минут, а приходит через три. Девушка, которая не создает проблем. Я даже вжимаюсь в парту, когда меня вызывает учитель к доске. Я девушка, которая предпочитает не привлекать к себе внимания.

Кап. Кап. Кап. Ты. Не. Можешь. Ты. Не. Можешь.

Иногда наедине я беззвучно подпеваю песне перед зеркалом, и все равно смущаюсь, хотя никто меня не видит.

КапКап. КапКап. КапКап. НеМожешь. НеМожешь. НеМожешь!

Если меня поймают с этими буклетами, страшно представить, какое наказание придумает директор Уилсон. Я бросаю взгляд на женщину-боксера на обложке и пытаюсь почувствовать себя такой же «плохой девчонкой».

Но, черт возьми! Я ответственная Вивиан и даже в этом деле я тоже буду ответственной. Затаив дыхание, я кладу пачку на подоконник. Туалет на первом этаже, некоторые девушки открывают окна, чтобы покурить по-тихому.

Ну вот. Сделано. Я смотрю на буклет, пытаясь представить, как это будет выглядеть для остальных. Надеюсь, как рождественский подарок. Или подсказка, где лежит сокровище.

Я иду по коридору быстрым шагом и на ходу придумываю отмазки, почему я пришла так рано: Мне нужно встретиться с учителем, чтобы сдать контрольную. Я хотела встретиться с моим консультантом по колледжу. У меня была бессонница, и я решила – черт с ним, могу прийти и пораньше. Я останавливаюсь рядом с каждым женским туалетом и оставляю там пачку листовок. Осталась одна. Никого из учителей я так и не встретила. В конце концов я дохожу до своего шкафчика и засовываю последний оставшийся экземпляр под какие-то старые чулки.

Раздается первый звонок. В окно начинают заглядывать первые лучи солнца. Я иду на занятие по американской истории и изучаю лица одноклассников, гадая, был ли кто-нибудь из этих девочек в туалете. Взял ли кто-нибудь буклет с собой. Мое сердце бьется оглушительно громко.

Когда звенит звонок, я усаживаюсь на предпредпоследний ряд. Клодия забегает на секунду позже и усаживается на стул рядом со мной. Наша учительница миссис Роббинс возится с бумагами на своем столе и даже не поднимает взгляд, чтобы поприветствовать нас.

Сара сидит перед нами и, воспользовавшись тем, что миссис Роббинс не смотрит на нас, поворачивается к нам с Клодией. Я вижу «Мокси» в ее руках. Мои щеки краснеют, я наклоняю голову вперед, чтобы волосы прикрыли их.

– Видели это? – спрашивает Сара.

Клодия протягивает руку:

– Нет, что это?

Сара передает ей буклет, и я наблюдаю, как глаза Клодии скользят по тексту, который я сочинила в пятницу вечером, пока она без особого энтузиазма поддерживала «Пиратов» Ист Рокпорта.

– Вау, – говорит Клодия.

– Что это такое? – спрашиваю я, заглядывая через плечо Клодии.

– Сама посмотри, – говорит Клодия.

Я склоняюсь над собственным творением, хмурюсь, пытаясь изобразить удивление и любопытство.

– Хм. – Я чувствую себя так неестественно, что не могу поверить, что они до сих пор не раскусили меня.

Но глаза моих подруг прикованы к буклету.

– Все это правильно, – говорит Сара, – Все, что здесь написано. Но кто это сделал? Кто эти девочки-Мокси? Какой-то клуб или типа того?

– Видели то, что написано сзади на обложке? – спрашивает Клодия. – Что надо прийти в школу в пятницу со звездами и сердечками на руке? – Она пожимает плечами и поднимает брови. – Не очень-то понимаю, что это значит.

Слова Клодии ранят. До меня доходит, что я и сама не знаю, зачем написала про это. «Бунтарррки» делали так, чтобы помочь девушкам, разделяющим их убеждения, найти друг друга на панк-шоу. Но я не знаю, что девушки со звездочками и сердечками на руках будут делать в пятницу. Я вообще не уверена, что кто-нибудь вообще это сделает.

– По крайней мере, вообще круто, что кто-то об этом написал, – говорю я наконец, пытаясь получить поддержку.

– Жалко, что Митчелл Уилсон и его друзья-придурки даже не узнают, что такое существует, хотя им-то не помешает это почитать, – говорит Клодия. – Вот, держи. – Она кидает «Мокси» через плечо Сары и откидывается на своем стуле,

когда миссис Роббинс направляется к своему рабочему месту, чтобы в миллионный раз начать свою лекцию о скандале в Типот-доум[12 - Типот-доум – нефтяное месторождение в штате Вайоминг, вокруг которого в 1921–1922 гг. разразился скандал, крупнейший в политической истории США до Уотергейта.] или о чем-то еще более унылом.

Когда урок заканчивается, Сара оставляет «Мокси» на парте, словно забытое домашнее задание. Я борюсь с желанием забрать его с собой, словно какая-нибудь гиперопекающая мамочка.

* * *

Когда я захожу на урок английского мистера Дэвиса, то чувствую себя поддельной хлопушкой. Я видела группку девочек с экземпляром «Мокси» в руках, но больше ничего. В одном из женских туалетов я увидела полпачки листовок, печально лежащих на подоконнике. Одну из них случайно столкнули на пол, и на ней остался еле заметный отпечаток ботинка. Кажется, всем было интереснее обсуждать победу «Пиратов» и предстоящую игру против Порт Аранзаса.

Как только сажусь на свое место на уроке английского, я замечаю Люси Эрнандез на первом ряду с экземпляром «Мокси» в руках. Ее губы плотно сжаты, лоб нахмурен, пока она читает. Переворачивает и снова перечитывает. Я вижу еле заметную улыбку на ее лице.

Раздается звонок, и в класс заходит мистер Дэвис. Я пытаюсь настроиться на худший урок этого дня, когда замечаю, что за ним заходит новый мальчик Сет Акоста.

– Эм, привет? – Сет говорит спине мистера Дэвиса. Мистер Дэвис поворачивается и внимательно смотрит на Сета.

– Да?

– Я новенький, – говорит он, передавая мистеру Дэвису листок бумаги. – Меня направили в этот класс. – Голос у него низкий и глубокий.

Пока мистер Дэвис смотрит на расписание Сета, я слышу хихиканье в задних рядах. Митчелл и его пустоголовые дружки лопаются от смеха, скорее всего потому, что Сет одевается, словно он из Остина, а не из Ист Рокпорта. Но Митчелл Уилсон может прожить тысячу жизней и все равно никогда не достигнет того совершенства, коим является Сет Акоста в его футболке с надписью Sonic Youth[13 - Sonic Youth – американская группа экспериментального рока, образованная в 1981 году и распавшаяся в 2011 году.] и с идеально взъерошенными волосами.

– Садитесь, Сет, – говорит мистер Дэвис, кивая в сторону парт. Сет выбирает незанятый стул в углу далеко от меня. Он грызет ноготь на большом пальце и смотрит пустым взглядом на доску, пока я пытаюсь сильно не пялиться на него. Мне интересно, что он ел на завтрак, какая песня Sonic Youth его любимая и был ли у него уже секс с кем-нибудь.

После последней мысли мое дыхание становится неровным.

Мистер Дэвис начинает урок чуть менее скучный, чем урок миссис Роббинс, и я убиваю время, бросая взгляды то Сета, то на мою тетрадь, в которой пытаюсь делать записи. Сет тоже что-то записывает, поэтому я решаю, что он умный или, по крайней мере, ему небезразлична его успеваемость. А это любопытно, поскольку я уверена: Ист Рокпорт Хай не то место, которое делает тебя умнее.

Я так поглощена созерцанием Сета, что почти не замечаю, что у Люси на краю парты лежит экземпляр «Мокси». Он лежит там, словно талисман на удачу, в течение всего занятия. Люси молчит весь урок, даже когда мистер Дэвис задает вопросы, а она наверняка сделала домашнее задание. Мне кажется, она специально оставила «Мокси» лежать на видном месте. И это круто.

В конце концов мистер Дэвис садится за свой стол, чтобы залипнуть за компьютером, пока мы предположительно «занимаемся самостоятельно» (а в действительности сидим в телефонах настолько незаметно, насколько это возможно). Митчелл Уилсон встает с заднего ряда и проходит вперед, пританцовывая, чтобы что-то выкинуть в мусорное ведро. На обратном пути он одним плавным движением забирает «Мокси» с парты Люси и возвращается в конец класса. Люси резко поворачивает голову, ее рот похож на букву «О», словно она собирается что-то сказать. Потом она просто поджимает губы и отворачивается. Я замечаю, что она подавлена, хотя ее лицо наполовину скрыто кудрями.

– Что это за фигня? – спрашивает Митчелл сквозь шелест бумаги, когда открывает буклет.

Я не оборачиваюсь. Одно дело критиковать Митчелла на страницах «Мокси», а другое – высказать ему что-то в лицо. Моя Мокси-тайна превращается из захватывающей в пугающую.

– Девушки-Мокси устали? – спрашивает он. – Может, им просто нужно поспать. – Его дружки отвечают хором смешков.

Я бросаю взгляд на мистера Дэвиса, который якобы всполошился от поднятого шума. Он бросает взгляд на часы.

– Хорошо, эй… можете заняться своими делами, но потише, пожалуйста.

Здорово. Теперь псов спустили с поводка.

– Послушайте, – продолжает Митчелл, и половина класса ерзает на стульях, поворачиваясь к нему. Даже Сет смотрит через плечо. Может быть, и мне стоит повернуться, иначе это выглядит подозрительно. Я вытягиваю шею и вижу, как глаза Митчелла пробегают по тексту «Мокси». Моему тексту.

– Вы устали от того, что некоторые мальчики говорят вам «Сделай мне сэндвич!», когда вы высказываете свое мнение на уроке? – читает он, а потом поднимает глаза, и широкая ухмылка расползается по его лицу, словно его только что назвали американцем года.

– Эй, это же я! – Он пожимает плечами типа «каюсь, виноват». Извините, но мне не жаль!

– Подожди, прочитай вот это, – говорит Алекс Адамс, еще один футболист в заднем ряду. Он показывает пальцем на зин и щелкает по нему один раз, потом еще, явно наслаждаясь. – Прочитай конец.

Я пытаюсь сохранить нейтральное выражение лица, но так сильно прижимаю ноги к полу, что скрипят половицы.

– Ладно, – соглашается Митчелл. – «Вы устали от того, что футбольная команда всегда в центре внимания и что им все сходит с рук?» – Митчелл громко смеется, словно он только что прочитал, что Земля плоская или что путешествие во времени реально. (Вообще-то Митчелл достаточно туп, чтобы поверить в это.) – Они что, серьезно? Их раздражает, что мы делаем свою работу и выигрываем футбольные матчи? Жаль, я не понимал, что должен был проигрывать, чтобы группка девчонок не чувствовала себя ущербно.

Я слышу смешки, звуки отрыжки его дружков. Другие ребята тоже улыбаются и смеются. Даже некоторые девочки.

Митчелл наклоняется, его стул повернут к Люси, которая собирает свои вещи в рюкзак. Она смотрит на часы, явно желая, чтобы урок поскорее закончился.

– Эй, новенькая, – говорит он, обращаясь к спине Люси. – Новенькая, повернись, у меня есть к тебе вопрос.

Плечи Люси поникли. Но она оборачивается:

– Да?

– Ты написала это? – спрашивает Митчелл, размахивая буклетом.

Люси молчит чуть дольше, чем нужно, прежде чем холодно ответить «Нет», а потом отворачивается и продолжает собирать вещи.

– Они сегодня были во всех женских туалетах, – говорит кто-то. Митчелл пожимает плечами, его взгляд прикован к Люси. Он смотрит на нее слишком долго.

– Полная хрень, – бормочет он под нос, комкает «Мокси» и бросает в сторону доски. Бумажка отскакивает от нее.

– Пожалуйста, давайте пользоваться корзиной для мусора, – говорит мистер Дэвис, снова возвращаясь к жизни на короткое мгновение.

Наконец раздается звонок, и я замечаю, как Сет устремляется к двери, не оглядываясь.

В заполненном людьми коридоре я натыкаюсь на Люси. Ее взгляд устремлен в пустоту, а губы сжаты в плотную линию.

– Эй, – говорю я тихо. – У меня есть еще один экземпляр, если хочешь. В моем шкафчике.

Люси поворачивается, удивленно приподняв брови.

– Да? – спрашивает она.

– Конечно.

Она стоит в сторонке, пока я роюсь в своих вещах и, найдя оставшуюся копию «Мокси», я отдаю ее Люси.

– Спасибо, – говорит она, улыбаясь. – Эта штука правда крутая.

– Да, интересная, – отвечаю я.

– Это не я сделала, – говорит она. – Ты не знаешь, кто?

Я отрицательно качаю головой.

– Этот Мичтелл – полный дебил, – говорит Люси, я бросаю взгляд на коридор, проверяя, нет ли его поблизости. Меня бесит собственный страх, но я не хочу стать объектом его шуток. Он слишком меня пугает.

– Он типа может делать здесь что угодно, – говорю я тихим голосом.

– Это я уже поняла, – говорит Люси, вскидывая бровь. – В любом случае спасибо за это. – Она прячет «Мокси» в тетрадь. – Как тебя зовут?

– Вивиан, – говорю ей. – Друзья зовут меня Вив.

– Точно, Вивиан. Ты обычно молчишь, поэтому я не была уверена.

Я пожимаю плечами, не зная, как на это ответить.

– Не думаю, что разговоры на уроке ведут к чему-то хорошему, – наконец-то произношу я.

– И правда, – говорит она. – В любом случае, я Люси. И как сказал этот придурок, я новенькая.

Я улыбаюсь и киваю:

– Да, я знаю. – Не знаю, что еще сказать. В Ист Рокпорте я нечасто сталкиваюсь с новыми людьми.

Люси улыбается мне, а потом машет рукой и идет дальше по коридору. Я поднимаю руку, чтобы помахать в ответ, и только когда она исчезает в толпе, я понимаю, что могла бы спросить, откуда она или почему ее семья переехала сюда. Я даже могла бы спросить, не планирует ли она нарисовать звездочку и сердечко на руке в пятницу.

Я смотрю на свои руки и понимаю, что сперва мне самой стоит ответить на этот вопрос.

Глава шестая

Я всегда везу тележку, когда мы с мамой ходим в продуктовый магазин, чтобы она могла сконцентрироваться на списке покупок. Так было со времен средней школы.

– Черные бобы или поджарка из фасоли? – спрашивает она, изучая консервированные продукты перед собой.

– Поджарка из фасоли.

Мама бросает на меня взгляд, но сдается.

Мы практически постоянно ходим по магазинам вечером в четверг, если она не работает. Моя мама не выносит безумие магазинов по выходным, так что это уже некий ритуал. Толкая тележку и пытаясь выровнять застревающее заднее левое колесо, я понимаю, что смотрю на свои руки, сжимающие ручку тележки, вместо того чтобы разговаривать с мамой.

На моих руках нет ни единой родинки или веснушки. На ногтях нет лака – красить их мне всегда было лень. Я пытаюсь представить звезды и сердечки, нарисованные на этих руках. Пытаюсь представить, каково это – пройти по коридорам Ист Рокпорта вот так. Мое сердце учащенно бьется, но я не знаю, от возбуждения или тревоги. Я представляю, как все смотрят на меня, а мои друзья задают мне вопросы. Я сжимаю руки в кулаки и делаю глубокий вдох.

– Ладно, поехали к замороженным продуктам, – говорит мама. У нее мало общего с бабушкой и дедушкой, но их объединяет пристрастие к полуфабрикатам Stuffer's. Я иду за ней, толкая тележку.

Всю неделю я пыталась решить, что мне делать. Правда в том, что с утра понедельника… ничего практически не изменилось. Самым большим событием стало то, что я отдала Люси мой экземпляр «Мокси». Клодия больше о нем не говорила, а Митчелл даже не стал больше шутить по этому поводу. По крайней мере, насколько мне известно. Я хотела сказать об этом за обедом, но побоялась, что это покажется подозрительным. Хотя для них сама мысль, что я создатель «Мокси», так же реальна, как посещение мною Международной космической станции или изобретение лекарства от рака на уроке химии.

Не знаю, чего я ожидала, когда придумывала «Мокси». Может, этим все и закончится. Возможно, это было способом выплеснуть свое негодование.

Конечно, Вивиан, но почему ты написала о сердечках и звездочках, если не хотела, чтобы оно к чему-то привело?

Где-то в душе я хочу, чтобы «Мокси» что-то изменили. Я просто не уверена, что готова взять на себя ответственность.

Я толкаю тележку вперед. Насколько проще было бы думать о Сете, но я вижу его только на уроках мистера Дэвиса. Он заходит по звонку и уходит по звонку и никогда ни с кем не разговаривает. Вчера на нем была футболка с надписью Black Flag, и я провела ночь, слушая их песню «Rise above»[14 - Восстань (англ.).] на телефоне. От нее в моей груди томительно ныло, а пальцы ног поджимались.

Я поеживаюсь от холода холодильников, пока мама закидывает в тележку несколько упаковок лазаньи и стейка «Солсбери». Наконец мы преодолеваем кассу, и я помогаю выгрузить сумки в нашу «Хонду». Я поправляю упаковку яиц, чтобы она не упала с заднего сиденья, когда слышу мужской голос позади.

– Лиза?

За этим следует пауза, и я слышу высокий и звонкий голос мамы.

– О! Джон, привет! Как дела?

Мама стоит напротив мужчины примерно ее возраста. На нем зеленая форма и плохо сидящая серая толстовка, а лицо скрыто рыжей нечесаной бородой. Лицо мамы светится так, будто этот этот парень отдает ей чек на несколько тысяч долларов, а не просто здоровается.

– Закупаешь продукты? – спрашивает рыжий чувак.

– Пытаюсь, – отвечает мама.

– Ты на дежурстве завтра утром? – спрашивает он.

– Да, – отвечает мама, закатывая глаза.

Этот разговор, кажется, мог бы произойти в столовой Ист Рокпорт Хай, и моя надежда, что мир взрослых совсем не похож на старшую школу, немного блекнет. Почему мама ведет себя как девочка-подросток? Кто этот странный мужчина с рыжей бородой?

– Кстати, это моя дочь Вив, – говорит мама, кивая в мою сторону и улыбаясь. Я поднимаю руку и тоже слегка улыбаюсь.

– Приятно познакомиться, Вив, – отвечает рыжий чувак. – Я – Джон. Мы с твоей мамой работаем вместе.

– И мне приятно познакомиться, – отвечаю я на автопилоте, окидывая его взглядом. Мама никогда не упоминала ни о каком парне с работы.

– Ну, нам пора ехать, – говорит мама и продолжает стоять на месте.

Джон улыбается и кивает, и наконец мы с мамой садимся в машину. Я замечаю большую голубую наклейку «Делоуб» на бампере внедорожника Джона, когда он выезжает с парковки.

– Жуть, он голосовал за Делоуба, – говорю я громко. Знаю, выглядит по-детски, но этот Джон раздражает меня.

– О, Делоуб придерживался умеренных взглядов, – отвечает мама, на ее губах играет рассеянная улыбка.

– Мама, он пытался стать мэром от республиканцев, – говорю я в раздражении. – Ты говорила, что никогда не будешь голосовать за республиканца, даже если бы твоя жизнь стояла на кону.

Мама пожимает плечами и выезжает с парковки.

– Это Техас, Виви. Иногда умеренный республиканец – самое лучшее, что мы можем получить. По крайней мере, он за равенство браков.

Я вижу, что мыслями она где-то в другом месте, поэтому прижимаюсь лбом к холодному стеклу и хмурюсь своему отражению. Когда я была в средней школе, моя мама встречалась с Мэттом, с которым она познакомилась через кого-то из друзей. Все зашло так далеко, что Мэтт приходил и смотрел фильмы со мной и мамой, гулял с нами по району, водил маму на ужины, пока я проводила вечера с бабушкой и дедушкой. Мэтту нравился апельсиновый «Тик Так», и у него была собачонка Гроувер, которая пахла лавандовым шампунем.

Он был достаточно милый, но когда он был рядом, я все ждала, пока он уйдет. Я не понимала, зачем он нам нужен. Мы всегда были с мамой вдвоем, и нам было

хорошо.

А потом несколько месяцев спустя Мэтт ни с того ни с сего перестал приходить. Мама сказала мне, что их пути разошлись. По тому, как она провела несколько вечеров на телефоне, разговаривая шепотом с друзьями, я решила, что лучше не задавать вопросов. С тех пор мама вела себя так, словно ей в жизни не нужен никакой мужчина.

А теперь этот Джон, любитель республиканцев с волосами цвета пупочного апельсина[15 - Пупочный апельсин – плод одноименного тропического дерева, популярной сельскохозяйственной культуры.], заставляет маму звонко смеяться, а я лишь удивляюсь, как ей мог понравиться такой тип.

Дома мы распаковываем покупки и ведем непринужденный разговор.

– Скажи, что я не забыла оливковое масло.

– Так куда мне положить картошку?

– Я объемся этим мороженым сегодня вечером, черт возьми.

После этого мама падает на диван и смотрит телевизор, а я исчезаю, чтобы принять горячий душ, позволяя струям горячей воды стучать мне по голове. Надеваю старую футболку Runaways и треники и роюсь в куче ручек и маркеров на столе. Беру черный маркер «Шарпи», снимаю с него крышку и несколько раз прижимаю черный кончик к указательному пальцу, чтобы убедиться, что он не засох. Крошечные точки похожи на предательские веснушки. Мое сердце громко стучит. Я представляю, как завтра буду единственной девушкой с раскрашенными руками. Как быстро я смогу их смыть, чтобы не выделяться?

Я тяжело сглатываю и кладу маркер на ночной столик, прежде чем забраться в кровать. Тянусь к наушникам и начинаю слушать Bikini Kill.

* * *

Ни у одной девушки на первом уроке американской истории нет ничего на руках. Ни у Клодии, ни у Сары, ни у кого. Только у меня. Мои разрисованные руки

похожи на фарфоровые чашки бабули, которые она держит в стеклянном буфете и никогда не использует. Словно это хрупкие вещи, которым не место в старшей школе и которые нужно немедленно убрать в шкаф. Конечно, Клодия замечает мои руки. Она – моя лучшая подруга. Она замечает, даже когда я подстригаю челку.

– Эй, в чем дело? – Она кивает на мои руки, которые я отчаянно прячу под партой, пытаясь скрыть рисунки, сделанные рано утром. – Ты сделала как в той брошюре.

«Это зин, а не брошюра», – мысленно отвечаю я и пожимаю плечами.

– Не знаю, мне было скучно. – Глупая отмазка. Я впервые очень хочу, чтобы зашла миссис Роббинс и начала урок.

– Я не понимаю, – говорит Сара, присоединяясь. – Там были написаны правильные вещи, но как рисунки сердечек и звездочек на руках могут что-то изменить? – Она снова смотрит на мои руки, и мои щеки горят.

– Ты права, это было глупо, – говорю я в смущении. В горле комок. Если я расплачусь перед моими друзьями, они поймут, что что-то не так.

– Нет, я не это имела в виду, – тихо говорит Сара. – Я тоже думаю, наш городок безумен, но я не думаю, что когда-нибудь станет лучше.

Клодия подбадривающе хлопает меня по плечу.

– Это просто доказывает, что ты идеалистка, как я и думала.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ и подавить все неприятные чувства.

Когда миссис Роббинс заходит, я при первом же удобном случае выхожу в туалет и отправляюсь по коридорам Ист Рокпорт Хай, представляя время и место, когда я буду свободна от потертого кафельного пола и плакатов болельщиков с надписью «Вперед, Пираты!». От парализующих мозг занятий, которые заставляют меня чувствовать себя только глупее. Мне просто нужно перетерпеть, пока я не смогу выбраться отсюда, как и моя мама. Если бы я

только знала, в каком направлении мне двигаться. Если бы я только могла быть уверена, что никогда не вернусь.

Я открываю тяжелую дверь и слышу звук смыва в одной из кабинок. Я выдавливаю мыло на ладони и начинаю тереть руки под теплой водой, стирая большими пальцами сердечки и звезды.

Открывается дверь кабинки. Я смотрю через плечо и вижу, как Кира Дэниелс подходит к раковине. Мы были друзьями в четвертом и пятом классах, еще до того странного времени, когда черные и белые дети и дети, которые говорили друг с другом на испанском, начали сидеть за разными столами в столовой. Мы менялись книгами «Дневник Слабака», а однажды даже пытались написать свою собственную. Я придумывала историю, а Кира рисовала иллюстрации. Теперь она сидит за столом с другими чернокожими девочками, а я сижу за столом со своими друзьями. Иногда мы киваем друг другу в коридоре.

– Привет, – говорит она.

– Привет, – отвечаю я.

И тогда я вижу их. Звезды и сердечки. Жирные яркие сердца и звезды, нарисованные маркером на ее запястьях. Я вижу, что она даже нарисовала маленькие планеты. Кира всегда была хорошим художником.

Они словно говорят: «Посмотри на меня». А мои просто шепчут: «Я здесь». Но она все равно их замечает.

– Ты читала ту брошюру? – спрашивает она.

Зин – не брошюра! Ну да ладно.

– Читала, – отвечаю я. Выключаю воду и тянусь к бумажному полотенцу, чтобы вытереть руки.

– Кто это сделал? – спрашивает она, поднимая бровь. Она аккуратно моет руки, пытаясь не размазать рисунки.

– Без понятия. – Я наклоняюсь, будто бы почесать колено, и надеюсь, что так она не увидит ложь на моем лице. Я чувствую, как мои щеки краснеют.

– Мне она понравилась, – говорит Кира. – Там были написаны правильные вещи. Все здесь тупо. Хотя мой парень – футболист, но все равно. Все тупо. – Кира говорит чуть тише: – Ты знала, что они ходят есть в «Джордано» бесплатно каждую субботу? И выбирают там, что хотят?

«Джордано» – самый вкусный ресторан во всем Ист Рокпорте, и это мое любимое место, где я заказываю пиццу, если мама говорит, что у нас есть лишние деньги в бюджете.

– Футболисты? – спрашиваю я, мой голос такой же тихий, как и у Киры. – Кто-то же наверняка платит за них. Счет должен обходиться в несколько сотен долларов каждую неделю.

– Не знаю, кто за них платит, – отвечает Кира. – Но я готова побиться об заклад, что это папочка Митчелла. Я точно знаю, что женская футбольная команда не видела новой формы со времен, когда моя мама ходила в эту школу. И я не преувеличиваю.

– Черт.

– Именно так, – говорит мне Кира. Она аккуратно вытирает руки, и мы просто стоим. Немного неуютно. Возможно, мы так много не разговаривали с пятого класса.

– Интересно, что «Мокси» сделают дальше, – говорю я ей. Не знаю, зачем я это брякнула. Может, в поисках идеи, а может, пытаясь сбить Киру со следа. Не то чтобы у нее была причина меня подозревать.

– Ты думаешь, что это сделала не одна девочка? – спрашивает Кира.

– Думаю да, – отвечаю я. Вот еще одна хлебная крошка, ведущая ее в ложном направлении. Просто на всякий случай. – Мне показалось, что это написали несколько девочек.

– В любом случае они должны сделать следующий шаг, – продолжает Кира, поднимая руку. – Им нужно бросить вызов прямо в лицо Уилсона. Сказать: «Да пошел ты».

Голос Киры становится все увереннее. На одну секунду мне кажется, что это она сделала «Мокси», а не я. Ей больше подходит роль лидера. Это я только что пыталась смыть сердца и звезды, как только у меня появился шанс. Бьюсь об заклад, если бы я рассказала Кире правду о «Мокси», она бы могла взять шефство и сделать все лучше, чем я.

Но «Бунтарррки» старались, чтобы у них не было лидера. Они хотели, чтобы у всех были равные права. Это еще одна причина, почему мне надо держать все в тайне.

– В любом случае, – продолжает Кира, – это была интересная идея. – Она идет к двери и толкает ее. – Рада была поговорить с тобой, Вив.

– Ага, и я, – отвечаю я.

Было здорово увидеть, что хотя бы одна девчонка поддержала «Мокси». Так я чувствую себя менее одинокой и странной. Жаль, что я не спросила Киру, разрисовал ли руки кто-то еще.

Я делаю глубокий вдох и смотрю на себя в зеркало.

– Просто возвращайся в класс, – говорю я себе. И повторяю это снова и снова, пока не дохожу до двери. Мои руки все еще покрыты сердечками и звездами.

* * *

Может быть, встреча с Кирой была знаком, потому что после урока я вижу несколько старшеклассниц с разрисованными руками. Они участвуют во всех театральных постановках и обычно сидят в сторонке на собраниях болельщиков. И еще двух девушек помладше, чьи шкафчики находятся рядом с классом, где проходит мой второй урок. Еще несколько сердец и звезд я замечаю на девушках тут и там: на лестнице, в углу коридора, во дворе. Некоторых я знаю по имени или просто внешне. Мы встречаемся глазами и киваем, застенчиво

улыбаясь, словно у нас есть общая тайна.

То же самое происходит, когда я иду на урок английского и вижу Люси Эрнандез, сидящую в первом ряду со звездами и сердечками, нарисованными синим маркером аккуратными завитушками на тыльной стороне ее ладоней, вдоль пальцев и вокруг запястья.

– Привет, – здороваюсь я с ней, идя между партами, пока остальные ученики заходят в класс. – Мне нравятся твои рисунки.

Люси бросает взгляд из-под темной челки, и улыбка расползается по ее лицу. Я гадаю, первая ли я сегодня с ней заговорила. Может, и так.

– Спасибо, – отвечает Люси, – а мне нравятся твои.

– Твои очень красивые, – говорю я.

Улыбка Люси становится шире.

Я улыбаюсь в ответ и снова чувствую неловкость от того, что не знаю, что сказать.

Когда Митчелл Уилсон и его команда шумно заходят в класс, скорее всего репетируя шутку «Сделай мне сэндвич», ко мне возвращается то чувство, которое я ощутила, когда сделала первый зин. Мне хочется сжать кулаки так, чтобы ногти впились в кожу, и закричать.

Конечно, я этого не делаю. Я делаю глубокий вдох, заправляю волосы за уши и достаю тетрадь по английскому и шариковую ручку.

– Итак, класс, – начинает мистер Дэвис, как только раздается звонок, – давайте вернемся к теме Просвещения, которую я диктовал вам вчера.

Когда мой мозг начинает отключаться, дверь класса открывается, и заходит Сет Акоста.

Он направляется к своей парте, держа в одной руке папку и книги.

Он одет в черные джинсы.

На нем черная футболка.

Черные кеды Vans.

А на его руках черными чернилами аккуратно нарисованы маленькие сердечки и крохотные звездочки.

Когда он садится за парту, у меня внутри взрывается такой фейерверк, что я перестаю слышать то, что говорит мистер Дэвис.

Глава седьмая

Клодия зарабатывает медаль лучшего друга и миллион бесплатных капкейков за ее терпение во время предобеденного собрания болельщиков, когда мы забираемся на верхние ряды трибуны и я начинаю шепотом рассказывать о руках Сета Акосты.

– Почему ты разговариваешь шепотом? – кричит Клодия. – Здесь громко как в аду, и его нет поблизости. – Музыканты школы снова разогреваются и играют одни и те же бодрые мелодии. Клодия права – Сета не видно в спортивном зале. – Никто не услышит, как ты сходишь с ума по Мистеру Волшебные Ручки, – продолжает Клодия. Ее брови взлетают. – Ладно, теперь я понимаю, чем он тебе так нравится. Волшебные Ручки. – Она смеется своей же шутке.

Я краснею:

– Боже мой, Клодия.

– Ой, то есть между вами не это? – она недоверчиво спрашивает. – То есть это совершенно не связано с сексом? Тебе он нравится своим интеллектом?

– Хватит, – выдавливаю я из себя и прячу голову между коленями, чтобы она прекратила.

Правда в том, что сердечки и звезды Сета сделали его в сотню раз сексуальнее в моих глазах. На протяжении всего урока, пока мистер Дэвис монотонно что-то рассказывал, я наблюдала за тем, как руки Сета делали аккуратные записи, как он периодически останавливался, чтобы почесать затылок или постучать тихонько по парте. Я съеживалась каждый раз, когда Митчелл или один из его дружков открывали рот, опасаясь, что Сет мог стать объектом шуток. Но ничего такого не случилось. Сет делает все, чтобы соответствовать правилам Ист Рокпорта. Он редко разговаривает и постоянно занят делом, хотя и не выглядит как большинство других учеников. Уверена, я единственная слежу за каждым его движением.

– Привет, могу я сесть здесь?

Я поднимаю взгляд и вижу Люси Эрнандез, стоящую в метре от нас. Теперь, когда она стоит прямо перед нами, я вижу, что Люси – крупная. Она выше меня, у нее широкие бедра, большие глаза и полные губы. Даже ее черные волосы спадают по плечам, как кудрявые цунами. Сначала мне хочется, чтобы она ушла, потому что я планировала поговорить с Клодией о Сете. Потом я чувствую себя дерьмом из-за этой мысли.

– Конечно, можешь присесть, – говорю я. Мы с Клодией сидим на самой галерке, здесь полно места. Сара, Кейтлин и другие девушки обычно сидят на несколько рядов ниже.

– Спасибо, – говорит Люси, садясь рядом со мной, так что я оказываюсь посередине.

– Привет, я Клодия, – подруга кричит через меня, – а ты Люси?

Люси кивает и улыбается, подтягивая колени к подбородку.

– Ты тоже следуешь той брошюре, как Вив, а? – спрашивает Клодия, показывая на руки Люси.

В центре зала чирлидеры Ист Рокпорт Хай занимаются своим обычным делом под предводительством Эммы Джонсон. Танцевальная музыка звучит из динамиков, пока Эмма и другие девочки танцуют и ритмично двигаются. Их движения такие точные, такие идеальные. У чирлидеров легендарные трехчасовые ежедневные тренировки все лето, и это заметно.

– Ты имеешь в виду «Мокси»? – спрашивает Люси, поднимая руки. – Да, я подумала, это круто. Напомнило мне клуб, в котором я участвовала в старой школе в Хьюстоне.

– Ты оттуда переехала? – спрашиваю я.

Люси кивает и поясняет, что ее отец потерял работу, и они с родителями и маленьким братом переехали к бабушке в Ист Рокпорт. Ее папа недавно нашел работу начальника технического обслуживания дома престарелых «Осенние листья», поэтому теперь они будут жить здесь.

– В моей старой школе я была вице-президентом клуба «ДУВС», – рассказывает нам Люси. – «Девушки уважают и вдохновляют себя». Вроде феминистского клуба.

– И люди действительно приходили на собрания? – спрашиваю я. Пытаюсь представить такой клуб в Ист Рокпорте, и мой мозг затуманивается в растерянности.

– Да, конечно, – говорит Люси. – У нас даже были парни. Мы собирали деньги на местные убежища для женщин и говорили о том, что нас беспокоило. Я надеялась, что подобный клуб будет и здесь. Чтобы я могла общаться с другими феминистками. – То, как она легко произносит слово «феминистка», взрывает мой мозг. Клодия кивает и вежливо улыбается, но видно, что и она удивлена.

Я слышала слово «феминистка» от мамы, когда она говорила со старыми друзьями по телефону. «Честно, Джейн, как феминистку меня этот фильм взбесил». Очевидно, что «Бунтарррки» связаны с феминизмом, но до этого момента я думала о них как о крутых девушках, которые не терпели всякие мерзости.

– Не думаю, что у нас когда-либо был такой клуб, – говорит Клодия. – Ой, ошибочка. Я точно знаю, что у нас никогда не было такого клуба.

Люси кивает с тоской. Потом поворачивается ко мне и спрашивает:

– Ты видела парня на уроке английского, у которого руки были разрисованы? – Я чувствую, как мои щеки слегка вспыхивают, но Клодия держит рот на замке. Я знаю, она не скажет ни слова о моей влюбленности перед Люси.

– Да, – говорю я. – Думаю, он тоже новенький. Как ты. Мне показалось, это круто.

– Так и было, – говорит Люси, – но я удивлена, что его не побили.

– Может, никто из парней не заметил, – отвечаю я. – Они слишком заняты мыслями об этом. – Я киваю на директора Уилсона, который произносит очередную проповедь о том, как надо поддерживать наших мальчиков и бла-бла-бла.

Футболисты расхаживают в своих командных футболках, а ученики в первых рядах орут так громко, что у меня болят уши. Я оглядываюсь на задние ряды. Какая-то девушка, которую я не знаю, сидит в одиночестве и спит. Несколько тощих прыщавых мальчиков собрались группкой и тупо смотрят на центр зала.

– А вы вообще ходите на эти матчи? – спрашивает Люси.

– Обычно да. – Клодия пожимает плечами. – Хотя в прошлый раз Вив меня бросила.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Сделай мне сэндвич – популярная в одно время шутка в интернете, которая основана на стереотипе, что место женщины на кухне.

2

Stouffer’s – брэнд Nestle, производящий замороженные полуфабрикаты.

3

Today Show – американское утреннее ежедневное телешоу на канале NBC.

4

Zin – сокращение от английского слова magazine – журнал. Так называются самиздатовские журналы с небольшим тиражом, которые часто выпускают представители разных субкультур.

5

Супергероиня комиксов издательства DC Comics.

6

Moxie (англ.) – название американской фирмы, выпускающей газированный напиток. Благодаря широкой рекламной кампании это слово вошло в английский язык и стало означать «смелый», «храбрый», «дерзкий».

7

Бунтарка (англ.).

8

Том Лэндри – американский футболист и тренер; по праву считается одним из величайших тренеров за всю историю Национальной футбольной лиги. Является автором целой серии активно использующихся и по сей день техник и методик.

9

Эрл Кэмпбелл – профессиональный американский футболист, обладатель множества наград. Его имя представлено в Зале славы Национальной футбольной лиги.

10

Марфа – город на западе штата Техас. Известен как один из центров современного искусства.

11

«Изгои» – американский фильм Фрэнсиса Форда Копполы, вышедший в 1983 году, рассказывает о бандах подростков в маленьком городке. Экранизация одноименного романа автора С. Э. Хинтон.

12

Типот-доум – нефтяное месторождение в штате Вайоминг, вокруг которого в 1921–1922 гг. разразился скандал, крупнейший в политической истории США до Уотергейта.

13

Sonic Youth – американская группа экспериментального рока, образованная в 1981 году и распавшаяся в 2011 году.

14

Восстань (англ.).

15

Пупочный апельсин – плод одноименного тропического дерева, популярной сельскохозяйственной культуры.

Купить: https://tellnovel.com/mat-e_dzhennifer/buntarka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити